

СВИРЕПАЯ ЛЮБОВЬ

Театр молодого Вампилова можно условно разделить на два цикла, по аналогии с молодым Б. Шоу: на «Приятные пьесы» и «Неприятные пьесы». «Неприятные» завершаются «Прошлым летом в Чулимске». На мой взгляд, самая сложная, «неочевидная» драма писателя, хотя эту честь оспаривает — «Утинная охота». Многочисленные постановки «Чулимска» не стали театральным событием при том, что достоинства пьесы не вызывают сомнения.

Почему **Санкт-Петербургский Молодежный театр на Фонтанке** взялся за «Чулимск»? Он сильно рисковал. Премьера обескураживает своей простотой, отсутствием шоковых приемов, что само по себе по нашим временам неожиданно. Режиссерски эффектно, напряженно подана только ночная сцена с грозой, пос-

ле драмы с Валентиной. Однако не могу не вспомнить слова Ефима Падве, а он открыл Вампилова и тонко его чувствовал. Падве писал в воспоминаниях про Вампилова: «Его пьесы не терпят выкрутасов. Такие пьесы не надо спасать, не надо украшать. Надо им доверять». Режиссеры Молодежного, это не только сам **Семен Спивак и Лариса Шуринова** — дебютант в театрах Петербурга, но лицо известное в Санкт-Петербургском институте сценических искусств как педагог и постановщик (она, например, подготовила на Моховой «Петербург» А. Белого). Когда-то сама играла в институте Кашкину. Она и предложила Молодежному «Чулимск».

В «Чулимске» режиссеры и театроведы до сих пор акцентировали преодоление нравственного кризиса Шаманова (так

Хороших — З. Буряк, Еремеев — К. Воробьев, Дергачёв — А. Шимко

Еремеев — К. Воробьев, Дергачёв — А. Шимко, Хороших — З. Буряк

сказать, исправившийся Зилов), либо желание юной Валентины восстановить гармонию мира (бесконечная починка палисадника). Действительно, починкой палисадника текст завершается. Но интерпретаторов должна бы смущать авторская редакция пьесы, где действие заканчивается самоубийством Валентины. Какая уж тут гармония!

Молодежный ищет конфликт, по-гоголевски втягивающий, словно в воронку, всех персонажей «Чулимска». Художник **Полина Мищенко** представила на сцене провинциальную чайную в строительных лесах. Видимо, ремонт бесконечен, судя по тому, как работает единственный строитель, инвалид Дергачёв. За лесами трудно угадать изначальный фасад, он, вероятно, имел свои красоты. Сценография создает ощущение искаженности, запущенности, безнадёжности и бесцветности («расцвет упадка», как выразался тот же Е. Падве). Словом, наша жизнь.

Не случайно именно ремонтник Дергачёв — самая пластически подчеркнутая

фигура спектакля. **Андрей Шимко** дергается, как пауч, гротескно выбрасывая вперед искаленную в войну ногу. И руки у него неуправляемые. Он так беспомощен, что после очередного стакашка водки не в силах встать с пола, даже на четвереньки. Дергачёв-Шимко существует на грани безумия. Этот инвалид-строитель — физическое обнаружение духовной искаченности, свойственной всем персонажам пьесы. На первый взгляд, они вполне нормальны, обыкновенны.

А как им быть нормальными, когда единственным «культурным центром» города является чайная? Это средоточие всей жизни. Главный источник информации для горожан — районная газета, где подвизается дурак Мечёткин (**Денис Цыганков**). «Ничем, что служит увлечению, ты не пленяешь...», — пела оффенбаховская Перякола. Так и Чулимск, ничем не пленяет. Нет никаких радостей, даже для трудооголиков. Работа бессмысленна и необязательна, су-

Валентина – Д. Вершинина, Шаманов – А. Литвинов

дя по репликам действующих лиц. Нет личных увлечений, связей с внешним миром. Пустота!

Спектакль Молодежного показывает, как пытаются выжить в пустоте. Остается только цепляться друг за друга. Называют это любовью. И любовь тоже ограничена отношениями мужчины и женщины. Материнская, отцовская любовь, любовь к родителям исключаются. Замечено, отношения отцов и детей во всех пьесах Вампилова болезненные. Уже на что мягкая, пушистая хозяйка чайной Анна Васильевна Хороших (**Зоя Буряк**, актриса, как всегда, обаятельна и органична), но и она, выбирая между мужем и сыном, жестко выбирает мужа-алкоголика. Дергачёв испытывает к жене что-то вроде любви-ненависти. У Шимко глаза горят в азарте, когда он грозит: «Ну, смотри, Анна». Мог бы, убил. Хороших прогоняет «крапивника» Пашку, чтобы не мешал их жизни с Дергачёвым. Соответственно, и сын (**Егор Кутенков**) ее не уважает и не прощает.

Помигалов (**Анатолий Артёмов**) — человек-мотоцикл. Лица из-под шлема почти не видно. Это вам не добродушнейший господин Журден, сыгранный артистом на заре спиваковского Молодежного театра. Помигалов не отпускает дочь в город — она ему нужна для хозяйства. Его распоряжения Валентине похожи на задания Мачехи Золушке. Охраняет ее невинность с дробовиком, чтобы подороже продать все равно кому. В принципе, «дробовик» и пистолет в Чулимске — единственные способы решения конфликта. Опускают традиционные рассуждения по поводу выстрелов-осечек как испытания судьбы и невозможности для героев трагического варианта жизни.

Скромнейший звенк Еремеев (прекрасная работа вернувшегося в театр **Константина Воробьева**, с тонкой национальной характерностью, психологической нюансировкой) и тот разошелся с дочерью. Она не вспоминает о родителях. «Сгинула» в Ленинграде. Про не-

Кашкина – Р. Щукина, Шаманов – А. Литвинов

давно умершую жену старик говорит: без нее «неинтересно». Маленький, добродушный человек, живущий по законам тайги, свободен от всего, в том числе и от человеческих привязанностей. У него одна «подруга»: медная пластиночка (народный инструмент варган, бытующий издревле у многих народов мира). На ней он наигрывает печальные народные мелодии. Человек приехал из тайги, чтобы на 74-м году получить пенсию. 40 лет работал с геологами, но документов никаких. Мы жалеем старичка «не от мира сего». Но с другой стороны, войдите в положение собосовцев. Если ты не от мира сего, то чего требуешь от мира? Каждый придет и скажет, что 40 лет работал, а ты ему пенсию плати? Так не бывает.

Бухгалтер и репортер Мечёткин – фигура, считай, фарсовая. Его играли признанные комики, например, Николай Трофимов в БДТ. В Молодежном Денис Цыганков – лыс, масляное лицо, однако чрезвычайно активен. Мгновенно напя-

ливает на голову парик, когда собирается стать женихом Валентины. Убедить его можно в чем угодно. Желание бухгалтера получить бабу (все равно какую) понятно и даже трогательно. Мечёткин стремительно ныряет в комнату Кашкиной, предположив поощрение, и начинает стриптиз. Также стремительно переходит к мысли о женитьбе на восемнадцатилетней красавице. В известном смысле, он – пародия на Шаманова (тот же внезапный скачок от Кашкиной к Валентине). Хотя и не склонен к рефлексии в общественном плане. Он не прикрывает свои намерения в отличие от других. Все выражено внешне, как и у Дергачёва.

Мы подбираемся к главным действующим лицам. По идее, их трое: разочарованный в справедливости, опустившийся следователь Шаманов, Валентина, в него влюбленная, и аптекарша Кашкина, также в него влюбленная.

В первых постановках «Чулимска» Шаманова играли «мужчины мужчинские»,

Шаманов – А. Литвинов, Кашкина – Р. Щукина

немолодые актеры (Кирилл Лавров в БДТ; поначалу должен был быть Олег Борисов – впрочем, с Борисовым спектакль бы не пропустили; Родион Нахапетов в фильме Глеба Панфилова). Одесит **Артур Литвинов** в Молодежном – красавчик с «отрицательным обаянием». Очень популярен. Как пишут на интернетовской странице артиста: «Натуральны в его исполнении подлецы и мерзавцы». Имеются в виду работы в сериалах. С 2000 года он снялся в 22 сериалах, играя то преступников, то майоров милиции. В Молодежном ученик Спивака начал с эпизодов и вводов, в частности, на роль Гамлета («Король и принц, или Правда о Гамлете» А. Радовского). Вне Молодежного, в театре «Алеко», исполнил роль Зилова в «Утиной охоте» (2014), так что с Вампиловым уже встречался. Пусть и с Вампиловым, изрядно поправленным режиссурой. Может быть, этот опыт послужил толчком для назначения на роль Шаманова. Литвинов – еще очень молодой артист, ровесник своего героя.

В литвиновском Шаманове мало мужского начала. Он неврастеничен, хотя его и поускаивают режиссеры. Используя Кашкину, частенько на нее орет, обвиняет в непонимании себя и прочих грехах. Даже увлечение Валентиной выражается в истероидной радости. Шаманов скачет и приплясывает на строительных лесах. Все могло бы сложиться иначе, если бы не беспомощные слова, которыми «утешает» Шаманов изнасилованную Валентину. Он предлагает ей самой решить, чего она хочет. Растерян чуть ли не настолько же, насколько девушка, потерявшая невинность. Понятно, утратив статус героя, он отвергнут Валентиной. Любовь ее быстро пропала. А со стороны Шаманова была ли она? По сути, он хотел ее использовать, как использовал до этого Кашкину, какую-то Ларису в городе. Валентина – средство для его, аморфного Шаманова, обновления, возбуждения, омоложения.

Все «любви» у Вампилова в Молодежном густо замешаны на эгоизме. Прав-

Валентина – Д. Вершинина, Шаманов – А. Литвинов

да, монолог Шаманова, когда он рассказывает Зине о своем пробуждении, позволяет предположить в нем нечто большее, чем жеребьячу радость. Если в последней экранизации «Чулимска» 2013 года подчеркивается: Шаманов (Сергей Безруков) страдает от давления государственной системы или, точнее, коррупции, то Молодежному важнее внутренние противоречия, отсутствие нравственного стержня.

Что же касается прелестной Валентины (ее играет девятнадцатилетняя студентка Института сценических искусств **Дарья Вершинина**), то Валентина вряд ли вообще понимает, что такое любовь. Кашкина не без издевки говорит: главное в невесте – это невинность. Вершинина – образец невинности, наивности и простодушия. Пластика, речь, интонации, юная женственность «кричат» о невинности. Когда Валентина, наконец, признается в любви Шаманову, она говорит как бы в стиле: «Давайте поигра-

ем в ляпки-тяпки». Если по ремарке Вампилова ее признание вырывается «с отчаянием»: «Вы слепой!», здесь Вершинина по-детски улыбается, кокетничая: «А вот и нет» (имею в виду интонацию). До финала девичья мягкость и робость ей не изменяют.

Собственно, и у Вампилова девушка не сознает, что делает, когда соглашается идти с Пашей на танцы. Разрешая взять себя на руки на лесной дороге, Валентина должна бы догадаться: где-нибудь на третьем километре ее-таки опустят на землю – тяжело ведь. Быть у мужчины на руках – значит ему доверять и получать удовольствие. Паша (Егор Кутенков) со взглядом волчонка, грубый, простой, издерганный, конечно, возьмет то, что дают. Хотя бы для самоутверждения.

В жизни Валентины Шаманов – первая романтическая влюбленность, она редко чем-нибудь путным кончается. В финале пьесы есть известное психоло-

гическое противоречие. Отказавшись от любви, девичьего идеала и, вроде бы, согласившись на бессмысленный брак с Мечёткиным, она продолжает чинить палисадник. А в этом есть явный идеализм. Девушка готова поддерживать заборчик, но еще не созрела, чтобы утешать, поддерживать слабого любимого мужчину. В любом случае, не позавидую глупому, немолодому Мечёткину. Уж этот ангел сумеет по-женски отомстить за свою поруганную любовь.

Литературовед Борис Сушков в книге про Вампилова (1989) видит в завершении «Чулимска» «освобождение [Валентины] от неравного, униженного состояния полуробенка-полуженщины... Отказав им обоим — Пашке и Шаманову — Валентина отстранила от себя и мученический венок блаженной, «спасающей мир»». Рассуждение любопытное, но абстрактное. В пьесе для него мало оснований.

В нынешней премьере центральной персонажем драмы впервые стала скромная аптекарша, одинокая любовница Шаманова, Кашкина. Очень рад, что **Регина Шукина** после перерыва получила достойную роль. Острохарактерная актриса широкого диапазона превратила героиню второго плана чуть ли не в леди Макбет Чулимского уезда. Как и леди Макбет лесковская, она по-звериному борется за свою любовь. «Зубами и ногами» надо драться за семейное счастье — внушает Кашкина Мечёткину и самой себе. Лаской, лицемерием, темпераментом, находчивостью Зина управляет маленьким мирком вокруг чайной. Не случайно выделена среди действующих лиц костюмом. Остальные одеты провинциально — она рядом с Хороших и Валентиной выглядит гранд-дамой в современном модном костюмчике и халатике (в первой сцене). В зависимости от ситуации и партнера, Шукина резко меняет интонацию от заискивающей-униженной, до высокомерно-повелительной. Она отступает и наступает, прояв-

ляет заботу и унижает насмешкой, интригует, рассчитывает и страдает от неразделенной любви. Впрочем, готова довольствоваться и малым. Только бы был здесь, рядом. Ее жест точен, выразителен, порой комичен (когда она объясняет Мечёткину, как надо катать девушек на лодке). Вообще сцена с Мечёткиным очень разнообразна и по-театральному выстроена. Да, эта леди Макбет не борется за трон, но в своем тесном королевстве она-таки королева. И берет свое, то есть Шаманова.

В первоисточнике следователь звонит по телефону и говорит, что полетит на суд, выступит на безнадежном процессе в защиту справедливости. Вампилов должен был хоть как-то осветлить финал в условиях 1970-х годов. Помню давний разговор с руководителем Ленинградского театра драмы и комедии Я.С. Хамармером, «пробившим» лит (цензурное разрешение) на идеологически невинного «Старшего сына». Он спросил партийного босса: «Скажите мне как член партии члену партии: что антисоветского в этой пьесе?». Босс затруднился ответить, и «Старший сын» получил лит. Однако партиец был прав: Вампилову была не симпатична окружавшая его действительность. Сегодня нет нужды спасать «Чулимск» от цензуры, и режиссеры Молодежного справедливо купировали немотивированное «возрождение» Шаманова. Он будет жить, как живется, и опускаться по мере сил. А Молодежный будет по-прежнему «чинить палисадник» и обращаться к сердцу зрителей. Мне нравится, что театр берет последние сезоны за В. Розова, А. Вампилова (ранее были А. Володин, А. Арбузов, А. Соколова). Это не возвращение к прошлой, недавней жизни, а возвращение к природной сущности русского театра.

Евгений СОКОЛИНСКИЙ
Фото Юлии КУДРЯШОВОЙ